

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СТЕНДАЛЬ

1783-1842

Стендаль

Пармская обитель

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)
С79

Перевод с французского Н. Немчиновой

Стендаль

С79 Пармская обитель / Стендаль; [пер. с фр. Н. Немчиновой]. – М. : Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 718 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

ISBN 978-5-521-74759-7

Последний роман французского классика Фредерика Стендаля многогранен. Тут и напряжённые драматические события — убийства, заключение в тюрьму и побег из неё, тайны, связанные с рождением и смертью персонажей; и глубокие психологические переживания героев, которые страстно и трепетно любят, идут на предательство ради любви и ради неё приносят в жертву самое для себя дорогое; и впечатляющие исторические картины той эпохи — так, сцена битвы при Ватерлоо поражает реалистичностью и высоким трагизмом.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)
ВІС FC
BISAC FIC000000

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2018
© Перевод. Н. Немчинова,
наследники, 2018

ISBN 978-5-521-74759-7

Повесть эта написана зимой 1830 года, в трехстах лье от Парижа, а потому, разумеется, в ней нет ни единого намека на события текущего 1839 года.

За много лет до того, когда наши армии проходили по Европе, я по воле случая очутился на постое в доме одного каноника. Это было в Падуе, счастливым городе Италии. Пребывание мое у каноника затянулось, и мы с ним стали друзьями.

В конце 1830 года, попав проездом в Падую, я поспешил в дом каноника. Я знал, что старика уже нет в живых, но мне хотелось еще раз увидеть гостиную, где я провел столько приятных вечеров, о которых часто вспоминал с большим сожалением. В доме жил теперь племянник покойного с женой; они встретили меня, как старого друга. Собралось еще несколько человек гостей, и разошлись мы очень поздно. Племянник каноника приказал принести из кофейни Педротти превосходного *zambaione*. Засиделись мы, главным образом, слушая историю герцогини Сансеверина: кто-то из гостей упомянул о ней, а хозяин, в угоду мне, рассказал ее всю полностью.

— В той стране, куда я еду, — сказал я своим друзьям, — не найти такого общества, как у вас, и, чтобы скоротать время в долгие вечера, я напишу на основе этой истории повесть.

— В таком случае, — сказал племянник каноника, — я принесу вам сейчас записки моего дядюшки, где в главе, посвященной Парме, он говорит о некоторых интригах при пармском дворе, происходивших

в те времена, когда герцогиня полновластно царила там. Но берегитесь! В этой истории мораль хромает, и теперь, когда у вас, во Франции, мода на евангельскую непорочность, — она может составить вам убийственную славу.

Я публикую эту повесть по рукописи 1830 года, ничего в ней не изменив, хотя это может повлечь за собою две неприятности.

Во-первых, неприятность для читателя: действующие лица у меня — итальянцы, а это может уменьшить интерес к книге, так как сердца итальянцев сильно отличаются от сердец обитателей Франции; в Италии люди искренни, благодущны и не боязливы, — говорят то, что думают, тщеславие находит на них лишь приступами, но тогда оно становится страстью, именуемой *puntiglio*. И, наконец, они не смеются над бедностью.

Вторая неприятность касается автора. Признаюсь, я осмелился сохранить за моими героями всю резкость их характеров; но зато я громко заявляю, что выношу им глубоко моральное порицание за многие их поступки. Зачем придавать им высокую нравственность и обаятельные качества наших французов, которые больше всего на свете почитают деньги и никогда не совершают грехов, порожденных ненавистью или любовью? Итальянцы, изображенные в моем повествовании, совсем на них не похожи. Впрочем, мне думается, что стоит проехать двести лье с юга на север, как все становится иным: и пейзажи и романы. Радужная племянница

каноника, которая близко знала и даже очень любила герцогиню Сансеверина, просит меня ничего не менять в приключениях этой дамы, хотя они и достойны осуждения.

23 января 1839 г.

Часть первая

Gla mi fur dolci inviti
a empir le carte
I luoghi ameni.

Ariosto, Sat. IV

ГЛАВА 1

Милан в 1796 году.

15 мая 1796 года генерал Бонапарт вступил в Милан во главе молодой армии, которая прошла мост у Лоди, показав всему миру, что спустя много столетий у Цезаря и Александра появился преемник. Чудеса отваги и гениальности, которым Италия стала свидетельницей, в несколько месяцев пробудили от сна весь ее народ: еще за неделю до вступления французской армии жители Милана видели в ней лишь орду разбойников, привыкших убегать от войск его императорского и королевского величества, — так по крайней мере внушала им трижды в неделю миланская газетка, выходявшая на листке дрянной желтой бумаги величиною с ладонь.

В средние века республиканцы Ломбардии были не менее храбры, нежели французы, и за это императоры Германии обратили их столицу в развалины. Став верноподданными, они считают самым важным для себя делом печатать на платочках из розовой тафты сон-

ты по случаю бракосочетания какой-нибудь высокородной или богатой девицы. Через два-три года после этого великого события в своей жизни молодая супруга брала себе поклонника, — иногда имя чичисбея, заранее избранного семьей жениха, занимало почетное место в брачном контракте. Как далеки были от столь изнеженных нравов глубокие волнения, вызванные неожиданным нашествием французской армии! Вскоре возникли новые нравы, исполненные страсти. 15 мая 1796 года весь народ увидел, каким нелепым, а иногда и гнусным было все то, к чему он прежде относился с почтением. Едва только последний австрийский полк оставил Ломбардию, как старые взгляды рухнули, вошло в моду подвергать свою жизнь опасности. После многих веков расслабляющих чувствований люди увидели, что счастья возможно достигнуть лишь ценою подлинной любви к родине и доблестных подвигов. Долгий и ревнивый деспотизм, наследие Карла V и Филиппа II, погрузил ломбардцев в глубокий мрак, но они свергли статуи этих монархов, и сразу же всех затопили волны света. Пятьдесят лет, пока «Энциклопедия» и Вольтер взрывали старую Францию, монахи кричали доброму миланскому народу, что учиться грамоте, да и вообще чему бы то ни было, — совершенно напрасный труд, ибо стоит лишь исправно платить священнику десятину, без утайки рассказывать ему на духу свои мелкие грешки, и можно быть почти уверенным, что получишь хорошее место в раю. А чтобы довести до полного бессилия этот народ, некогда умевший и мыслить и быть грозой, Австрия по дешевой цене продала ему приви-